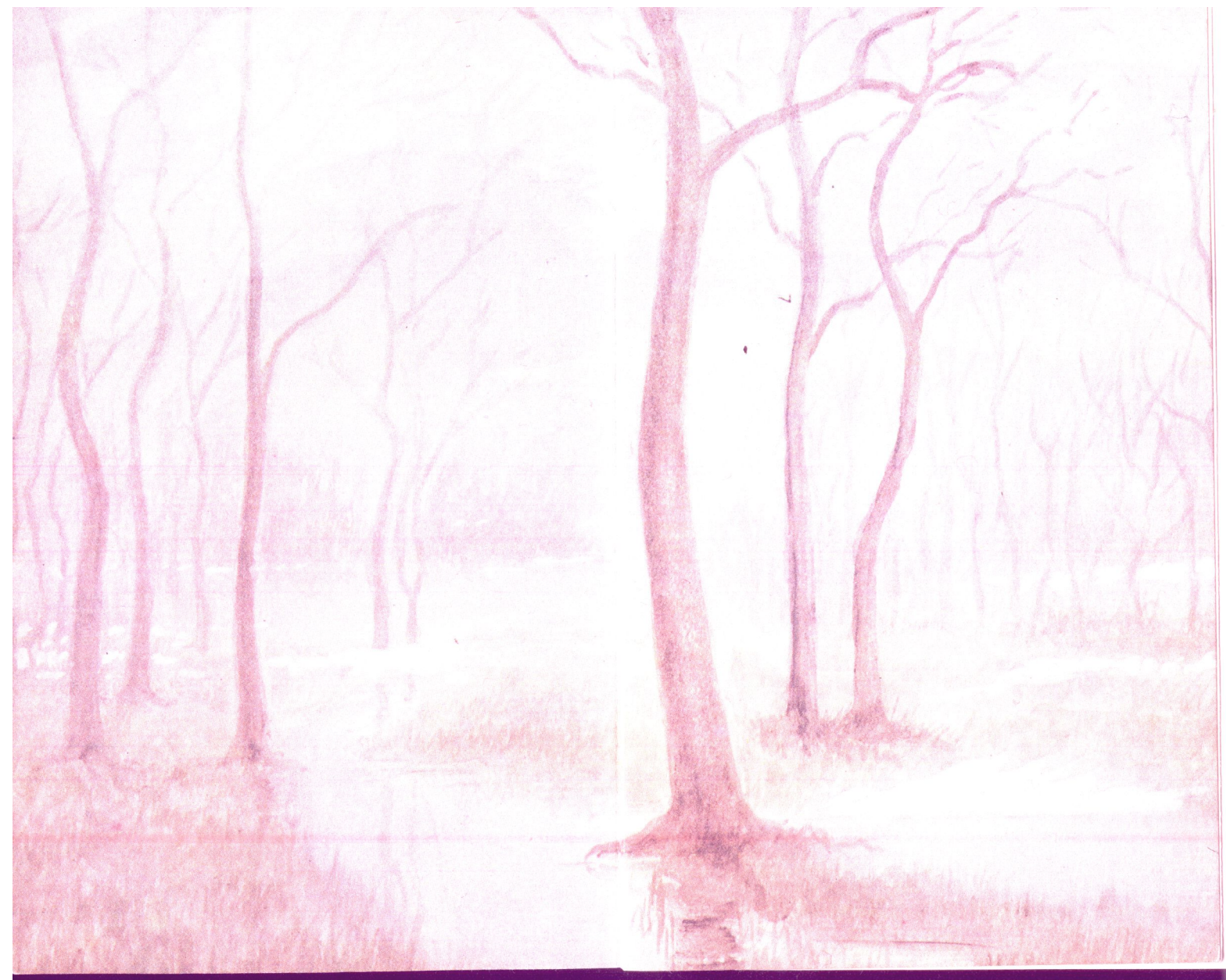

Александр
Чижевский
стихотворения

Александр
Чижевский

Александр
Чижевский

стихотворения

Москва
«Современник»
1987

P2
Ч-59

Вступительная статья, составление
и подготовка текстов
В. И. Безъязычного

Иллюстрации А. Л. Чижевского

Чижевский А. Л.

Ч-59 Стихотворения/Вступ. статья и подг.
текстов В. И. Безъязычного.— М.: Современник, 1987.— 239 с.: ил., портр.

Книга стихотворений Александра Леонидовича Чижевского (1897—1964) впервые наиболее полно представляет поэтическое наследие выдающегося советского ученого. Стихи о Космосе и Солнце, раздумья о жизни, портреты великих ученых прошлого, пейзажная лирика—все это связывает творчество А. Л. Чижевского с традициями русской философской поэзии XIX—XX вв. В приложении публикуется труд А. Л. Чижевского «Академия поэзии».

Ч $\frac{4702010200-327}{M106(03)-87}$ 228—87

ББК84Р7
P2

© Издательство «Современник», 1987

ПОЭЗИЯ НАУКИ И НАУКА ПОЭЗИИ

Имя Александра Леонидовича Чижевского (1897—1964) чаще всего вспоминается в связи с изучением Солнца и его влияния на все сущее в Космосе, в том числе и на жизнь нашей планеты. Его с полным основанием называют основоположником таких направлений биофизики, как гелиобиология и космическая биология, а также создателем аэроионификации — теории и практики искусственной ионизации воздуха для целей самого разнообразного характера.

Научные заслуги А. Л. Чижевского признаны во всем мире. В 1920—1930-е гг. он был избран почетным профессором и академиком многих научных учреждений зарубежных стран. Первый Международный конгресс по биофизике, проходивший в Нью-Йорке в 1939 г., избрал А. Л. Чижевского своим почетным председателем — вместе с такими известнейшими учеными, как д'Арсонваль и Поль Ланжевен.

Париж, Брюссель, Болонья, Милан, Стокгольм, Тулон, Вашингтон, Ницца, Чикаго, Анкара, Рио-де-Жанейро, Лондон, Стамбул, Филадельфия, Сан-Паоло (Бразилия)— вот места изданий трудов нашего соотечественника на французском, немецком, английском, итальянском, испанском, шведском, турецком языках.

Научно-творческий облик А. Л. Чижевского отличается совершенно исключительная универсальная энциклопедичность, заставляющая вспомнить самые блистательные имена ученых эпохи Возрождения. Некоторые стороны этого облика известны еще очень недостаточно: ведь А. Л. Чижевский был и талантливым поэтом, и незаурядным художником-пейзажистом, одаренным музыкантом—исполнителем и импровизатором.

А. Л. Чижевский родился 26 января (7 февраля) 1897 г. в посаде Цехановец, Бельского уезда, Гродненской губернии (теперь это территория Белостокского воеводства Польской Народной Республики). В Цехановце тогда квар-

тировала одна из батарей 4-й артиллерийской бригады, в которой служил отец будущего ученого и поэта, Леонид Васильевич Чижевский (1861—1929), — капитан-артиллерист. Матерью Александра Леонидовича была Надежда Александровна, урожденная Невиандт (1875—1898), принадлежавшая к старинному роду выходцев из Голландии, переселившихся в Россию в Петровскую эпоху. Она заболела туберкулезом легких вскоре после рождения своего единственного сына и умерла в Ментоне (Италия), куда супруги Чижевские, по советам врачей, были вынуждены отправиться в то время, когда Александр в младенческом возрасте оставался на родине. В родовом имении Невиандтов — Александровке, близ с. Алешни, Брянского уезда, Орловской губернии, проходили первые годы жизни Александра Чижевского. Воспитывали его бабушка со стороны отца, Елизавета Семеновна Облачинская (1828—1910) и сестра отца Ольга Васильевна Лесли (1863—1927). Благодарную память о тетушке Александр Леонидович пронес через всю свою жизнь.

Рождением, родственными связями и ранним воспитанием А. Л. Чижевский принадлежал к среде именитых дворянских фамилий с весьма пышным генеалогическим древом. Сказать об этом надо отнюдь не для экзотики в духе того стиля псевдо-исторического «ретро», каким порою любят тешить читателей некоторые современные писатели. Дело в том, что среда, о которой идет речь, была живым воплощением серьезных культурных традиций, оказавших решающее влияние на формирование личности А. Л. Чижевского, его духовного облика и того широкого круга образованности, приобщение к которым было естественным и само собою разумеющимся в обстановке, где говорили на нескольких иностранных языках, обращались к домашним библиотекам, собранным не одним поколением, устраивали семейные балы и домашние спектакли, музицировали, рисовали...

Едва ли не самой яркой фигурой в ряду предков был

прадед А. Л. Чижевского Никита Васильевич, один из потомков бежавшего из Польши в XVI столетии графа Яна Казимира Чижевского, обосновавшихся на Украине и ставших известными в военных летописях Запорожской Сечи. В формулярном списке Н. В. Чижевского, прожившего сто одиннадцать лет, пережившего пять царствований и получившего все ордена, какие полагались по его чинам, перечислено более ста сражений, в которых он участвовал, и семнадцать ранений. Участник знаменитого Итальянского похода, Н. В. Чижевский 10 апреля 1799 г. получил ключи от города Брешиа для передачи А. В. Суворову.

Военными были и следующие поколения Чижевских, в том числе и отец Александра Чижевского, дослужившийся до генеральского чина в первую мировую войну — кадровый военный, образованный артиллерист. В 1918—1923 гг. Л. В. Чижевский был начальником Калужских командных пехотных курсов и в 1928 г. ему было присвоено звание Героя Труда (вместе с известными оружейниками Ф. В. Токаревым и В. А. Дегтяревым).

Нелишне заметить, что и сам Александр Леонидович во время первой мировой войны был вольноопределяющимся, участвовал в боевых действиях в Галиции и был награжден Георгиевским крестом.

В ранние годы жизни А. Л. Чижевский вместе с отцом и теткой провел несколько лет в местах квартирования артиллерийских частей, в которых служил отец. Сначала это был тот самый Бельский уезд, где он родился, некоторое время Серпухов, а потом Париж, где Л. В. Чижевский служит в штате российского военного атташе. Из Парижа были поездки в Ниццу, Канны, Италию, Грецию. Начав увлекаться рисованием, юный Александр Чижевский брал уроки в Парижской академии художеств у Ж. Нодье, ученика знаменитого Эдгара Дега.

Ранние впечатления потом многократно находили отражение в стихах, посвященных античности, природе Италии и Греции:

...Отроком зорким бродя по музеям Европы,
С робкой украдкой и страстью смотрел я на ваши
Дивные формы, богини античного мира...
(«Воплощение»)

Получив в 1913 г. назначение в артиллерийскую бригаду, квартировавшую в Калуге, Л. В. Чижевский с сестрой и сыном переехали в этот город, где был приобретен дом, сохранившийся до наших дней. С Калугой в жизни и разнообразной творческой деятельности А. Л. Чижевского связано очень многое. Прочувшись несколько лет в Бельской мужской гимназии, он в 1914 г. окончил Калужское реальное училище, директором которого был прогрессивный педагог-просветитель Ф. М. Шахмагонов. Сдав дополнительный экзамен по латинскому языку, А. Л. Чижевский поступает в Московский археологический институт, полный курс которого оканчивает в 1917 г., получив ученое звание археолога и защитив диссертацию «Русская лирика XVIII века» в следующем году.

К этому времени он уже активно занимается самостоятельными научными исследованиями в области естественных наук, в частности, по ионизации и изучению деятельности Солнца. Одновременно слушает лекции на естественно-математическом и медицинском факультетах Московского университета по высшей математике, физике, химии, в Московском коммерческом институте и в Народном университете имени А. Л. Шанявского.

В Калуге, с которой А. Л. Чижевский окончательно расстался в 1929 г., он многие годы был тесно связан с К. Э. Циолковским, о чем рассказал в своих интересных воспоминаниях. Широкую известность во всем мире принесла А. Л. Чижевскому изданная в Калуге в 1924 г. книга «Физические факторы исторического процесса», вызвавшая ожесточенные споры и нападки противников. Сейчас, десятилетия спустя, когда

уже сделаны первые шаги в Космос и многосторонне изучаются солнечно-земные связи, основные идеи А. Л. Чижевского получили признание и дальнейшее развитие. Вместе с тем очевидны и некоторые увлечения автора названной книги — лишь одного из звеньев в цепи научных исследований ученого.

Его путь в науке был трудным. Новизна его научных идей не раз опережала свое время на многие годы и даже десятки лет. Это приводило к несправедливым упрекам и обвинениям и даже драматическим осложнениям в жизни. В январе 1942 г. круто изменился весь жизненный путь А. Л. Чижевского, разделившего участь многих своих современников и на долгие годы оказавшегося сначала на Северном Урале, а потом в Караганде.

Но даже и там, пользуясь малейшей возможностью, он продолжал свои научные исследования, итогом которых явились две крупные монографии, изданные вскоре после возвращения А. Л. Чижевского в Москву («Структурный анализ движущейся крови», 1959; «Аэроионификация в народном хозяйстве», 1960), и многочисленные работы, еще ожидающие своей публикации. Некоторые из таких трудов уже изданы после смерти ученого.

С самых ранних, еще отроческих лет, наряду с увлечением научными занятиями, определившими весь последующий жизненный путь, Александр Чижевский с жаром сочиняет стихи, пробует силы в живописи. Его богатая и разносторонняя творческая натура проявляется во всем, что становится предметом исследования или увлечения, будь то скрупулезные эксперименты или астрономические наблюдения, поэзия, живопись или музыка.

Вспоминая годы ранней юности, А. Л. Чижевский писал впоследствии: «Начиная с 1911—1912 годов, т. е. в четырнадцати-, пятнадцатилетнем возрасте, я пристрастился к писанию стихов, часто даже в явный ущерб другим моим

занятиям. Эти годы я всегда вспоминаю с особым удовольствием. Я провел их, непрерывно и сладостно мечтая и формируясь духовно. Это были годы упоения искусствами: поэзией, живописью, музыкой. Все получалось у меня плохо, но само творчество пленило меня, погружая в сладостные состояния впервые прозревающей нечто души.

Домашняя обстановка с ее постоянным интересом к литературе и музыке, прекрасная библиотека с хорошо подобранными изданиями лучших русских и иностранных поэтов — все это также способствовало становлению духовного мира талантливого юноши. Отец умело и тактично руководил развитием сына, предостерегая его от самообольщения успехами и приучая к строгой взыскательности в работе. Рано определились имена русских поэтов, горячую любовь к которым А. Л. Чижевский пронес через всю жизнь: Державин, Пушкин, Лермонтов, Баратынский, Тютчев, а также А. Майков и А. К. Толстой. Хорошо знал, любил читать в оригиналах и декламировать любимых немецких и французских поэтов.

Перелистывая обширный машинописный том стихотворений А. Л. Чижевского, обращаясь к дополняющим этот том текстам произведений, к страницам его мемуарных набросков, постоянно ощущаешь глубокую внутреннюю связь его поэтического творчества с разнообразными научными занятиями — главным делом жизни, которому он был предан до самозабвения, порою, казалось, даже до отрешенности от окружающей жизни.

Об этом говорится в начатых почти полвека назад автобиографических заметках. Примечателен повод, по которому начаты были эти заметки и затем продолжены в самых неблагоприятных условиях в январе 1942 г.: «Президиум Колумбийской академии наук, членом которой я имею честь состоять, обратился ко мне в 1940 году с просьбой о составлении подробной моей автобиографии, в которой были бы изложены не только этапы и события моего научного творчества, но и история моего рода и моей жизни, обещая из-

дать эту автобиографию на испанском и английском языках...»

Среди этих материалов есть и два наброска, прямо относящихся к интересующему нас вопросу — «Стихи и поэзия», «История моих стихов». Обращение к ним раскрывает картину приобщения юного Александра Чижевского к чтению, а затем и ранним поэтическим опытам. Все они впоследствии были автором осуждены строго и беспощадно и почти полностью уничтожены, а в два небольших сборника, вышедших в Калуге, вошли лишь некоторые из них.

Вспоминается рассказ Александра Леонидовича о том, как Бразильская академия наук запросила его краткую автобиографию и список опубликованных трудов, где были указаны и сборники стихотворений. По просьбе той же академии в далекую Бразилию были отправлены несколько стихотворений, которые были переведены на португальский язык. После этого была издана какая-то антология, где был представлен своими произведениями «португальский поэт Александр Чижевский!»

Поэтическое наследие А. Л. Чижевского отличается широким тематическим диапазоном. Большое место занимает пейзажная лирика, в которой ощутимы связи с мотивами поэзии Тютчева и Фета, отчасти А. Майкова и И. Бунина (с которым Александр Леонидович был знаком лично). Буквально через все творчество ученого-поэта проходят образы Солнца, Жизни во всем ее могучем многообразии, воспринимаемой как единое космическое целое. Так, на протяжении многих лет обращался А. Л. Чижевский к циклу «Космических сонетов», занимающему, пожалуй, центральное место во всем его поэтическом наследии. Стихотворения, образующие этот цикл, охватывают все разнообразие мыслей и чувств, характерных для мировосприятия их автора. Особое место принадлежит сонету «Солнце», написанному в 1919 г. Солнце, «великолепное, державное светило» — не просто поэтический образ, один из самых частых у Чижевского-поэта, это и символ всего сущего на Зем-

ле и в Космосе, «творческая сила», властно подчиняющая себе все — от элементарных частиц до планет и галактик. Солнце — источник жизни, символ созидания материи во всем ее неохватном проявлении. Недаром Александр Леонидович называл себя «солнцеклонником» не только в стихах, но и в беседах. Солнце, игра его лучей в самых причудливо-фантастических цветовых сочетаниях — неременный образ живописных работ А. Л. Чижевского, и даже — четкий графический рисунок на строго лаконичном и выразительном книжном знаке, выполненном самим ученым.

Все это связано с той самой главной темой научных исследований, которые начались в 1915 г. и были прологом к многочисленным трудам, положившим начало новому научному направлению — гелиобиологии. Об этом много говорится в упоминавшихся выше автобиографических набросках: «Как только летом 1915 года я освободился от занятий (речь идет о занятиях в Московском археологическом институте, имевшем свое отделение в Калуге.—*Вл. Б.*), тотчас принялся за свои астрономические наблюдения над Солнцем. Прекрасные телескопы Рейнфельда и Секретэна и экран для зарисовки пятен были мною хорошо налажены, и я ежедневно мог вести серьезные наблюдения (...). Во всякую погоду, в 9 часов утра, не пропуская ни одного дня, я выносил телескоп и экран на двор и вел зарисовку солнечной поверхности. С чувством ответственности за свою работу, я добросовестно на заранее приготовленной бумаге зарисовывал солнечные пятна, со всеми доступными моему отличному зрению подробностями, записывал в дневник замеченные за сутки или двое суток изменения (...).

Ах, какая это была хорошая пора жизни! Молодой мозг стремился к познанию тайн природы и готов был ухватиться за любое явление, в надежде извлечь из него что-либо таинственное, неведомое, никому еще не известное. Отчего я обратился к Солнцу — сказать сейчас трудно, но верно лишь то, что мои студенческие занятия не давали еще пищи для моего ума, особенно занятия и зубрежка исто-

рических и археологических дисциплин. Астрономией же я стал пылко интересоваться еще в 1906 году, т. е. девяти лет от роду, а в 1907 году уже написал «Популярную космографию по Клейну, Фламариону и другим» — «труд» (...), сохранившийся в моем архиве до сих пор. Звезды и Солнце всегда представлялись мне сверхъестественными, страшными телами, жгучий интерес к которым не ослаб у меня и сейчас (...).

Начиная с 1915 г. стали появляться научные труды А. Л. Чижевского, посвященные изучению Солнца. Позже, в 1936—1937 гг., в Париже была опубликована его крупная монография, написанная на французском языке и увидевшая свет у нас только в 1973 г. под названием «Земное эхо солнечных бурь».

Здесь читатель найдет немало вдохновенных строк, которые отнюдь не кажутся чем-то инородным в серьезном научном исследовании, опирающемся на громадный статистический материал, почерпнутый из десятков и сотен источников на разных языках, из многолетних экспериментальных данных, собранных и обобщенных самим автором: «Что представляет собою Солнце для современного человечества? Не более как явление природы, подобное многим другим. Не тем было оно для наших предков... Солнце было для них мощным богом, дарующим жизнь, светлым гением, возбуждающим умы. Вся мифология древних проникнута слепящей символикой солнечного луча! Интуиция наших предков привела их к тому же заключению, что и завоевания науки!» Включенные в приложение ко второму изданию книги стихотворения (в том числе и «Солнце») как бы завершают представление об авторе, ученом-романтике и поэте.

В связи с изучением Солнца А. Л. Чижевский естественно обратился ко многим ученым всех времен и народов, труды которых шаг за шагом на протяжении многих столетий проникали в тайны великого светила. Среди других имен здесь заслуженно занимает достойное место Галилео Галилей, начавший изучать темные пятна на Солнце еще в

1611 г. Своими исследованиями Галилей положил начало пересмотра традиционных представлений о Солнце. Судьба великого ученого, преследовавшегося клерикалами-католиками, убежденность и сила духа его, не сложенные в неравной борьбе, властно привлекают внимание А. Л. Чижевского. Его стихотворение «Галилей», при всех отличиях от строгой формы «космических сонетов», органически примыкает к этому циклу. Более того: именно этим стихотворением, написанным в 1921 г., открывается столь значительная для нашего поэта тема научного подвига, величия и непобедимости духа, способных преодолеть все невзгоды и удары судьбы, даже самые суровые и жестокие. Эта тема постоянна у А. Л. Чижевского, она глубоко прочувствована и осмыслена через образы тех творцов и прорицателей, дерзко провидевших через годы и эпохи, которые включают имена Плиния Старшего и Ньютона, Роберта Майера и Лобачевского, Менделеева и многих других. Часто образы Сократа, Микеланджело или Гиппократы воспринимались А. Л. Чижевским в сопряжении с обстоятельствами собственной судьбы. К ним обращался он в самые тяжелые дни, черпая силы для того, чтобы сохранить твердость духа. Стихотворение «Гиппократ» было написано в 1912 г., потом три года спустя оно претерпело некоторые уточнения и поправки. Но через тридцать лет, оказавшись в нечеловечески трудных условиях наедине с собой и своей памятью, он вспоминает это стихотворение, записывает строки, проникнутые глубоким философским обобщением, рожденным напряженной мыслью, течению которой неподвластны были внешние обстоятельства. В соседстве со стихотворными строками о «стихиях изменчивых под кровом постоянства» и «взаимодействии стихий между собой» появляется беглая заметка: «5.1.43. Холод +5° в камере, ветер дует насквозь. Жутко дрогнем. Кипятку не дают». Этот выразительный комментарий к стихотворным строкам — настоящий человеческий документ. Какой же надо было обладать силой духа, чтобы не быть сложенным такими обстоятельствами, в которых

обращение к образу великого врача античности лишь на первый взгляд может показаться странным!

Можно без труда проследить связь творчества А. Л. Чижевского с традициями русской философской лирики — от Баратынского и Тютчева и до Вл. Соловьева. Столь же очевидна близость многих мотивов и образов «космических сонетов» поэзии Н. Заболоцкого. Тем самым Чижевский-поэт занимает свое совершенно определенное место в общей картине развития русской поэзии. Представление о его творчестве, его жанровом разнообразии, помимо оригинальных стихотворений, дают также и довольно многочисленные переводы и подражания — из Гете и В. Гюго, а также циклы «Из Эмпедокла», «Из Афинского песенника», «Из Алкея» и т. д.

Оценок поэтического творчества А. Л. Чижевского в печати почти не было. Тем значительнее представляются суждения о его стихах таких известных деятелей русской культуры, как Вяч. Иванов, П. А. Флоренский, М. А. Волошин, В. Я. Брюсов, А. Н. Толстой, которые в разное время знакомились со стихотворениями А. Л. Чижевского и высказали свое мнение в адресованных ему письмах. Особенно интересен отзыв А. Н. Толстого, относящийся к 1937 г.: «(...) Некоторые Ваши стихи (стихов 15—20) не вполне созвучны с нашей эпохой, они отголоски прошлого, но тем интереснее и значительнее они будут в будущем (...), когда можно будет беспристрастно судить о вещах, о которых сейчас приходится судить пристрастно. Истинное искусство — бессмертно, и Ваши стихи являются плодом большой души и большого художественного чутья, а потому значение их в русской литературе весьма велико. Остальные Ваши стихотворения, особенно чудесные описания природы, представляют и в настоящее время большую ценность, и я желал бы увидеть их напечатанными. Никто из современных поэтов не передает лучше Вас тончайших настроений, вызванных явлениями природы. Со времени Тютчева в этой области — большой пробел. Ваши произведения должны запол-

Ис-
пе-
ве-
ка-
не-
Е-
ге-
ка-
ни-
на-
пе-
у-
по-
и-
кс-
им-
че-
ра-
Чи-
су-
си-
ни-
сп-
Не-
ус-
эти-
ки-
мь-
об-
о «
де-
«5.
др-
та-
до-
не

нить его. Я не буду касаться других Ваших более чем удивительных по содержанию и виртуозному исполнению стихотворений. Их оценка может быть дана только в будущем».

Необходимо остановиться на необычайно интересной работе А. Л. Чижевского, его небольшой книге «Академия Поэзии. Проект», изданной в Калуге в 1918 г. На обложке грубой серой бумаги указано, что это — издание культурно-просветительной комиссии Калужских командных пехотных курсов, а весь сбор от продажи издания поступит на усиление средств комиссии. Сам факт издания подобного труда, внешний вид книги, возвращающий в трудный для нашей страны год, говорят о многом. Но если обратиться к ее страницам, то можно прочитать немало удивительного и даже захватывающего — ведь перед нами результат серьезных размышлений о судьбах русской поэзии, о ее месте в духовном воспитании народа и смелый до дерзости проект создания в Москве специального научного и учебного центра — Академии Поэзии!

Открывается книга небольшим экскурсом в развитие поэзии, в ряду других видов искусств, от античных времен. Высказывается убежденное мнение, что в условиях свершившейся революции важнейшая задача — просвещение и воспитание народа:

«Какие меры надо принять? Какие дела свершить?

Величайший труд предстоит в будущем!..

Сложные задачи надо разрешить для созидания новой России!

С чего начать?

Слов — мало! Нужна постоянная, упорная работа!

Революция испепелила предрассудки и заблуждения и, освобожденные от их цепей, мы видим, к чему должны стремиться всюю своею душою.

Надо учить народ!

Но и этого мало: следует воспитать его!

Но чем и какими средствами достичь того и другого?

Если первое достигается наукой — от азбуки до выс-

шего математического анализа, второе — исключительно искусством.

Поэтому, одновременно с преподаванием азбуки, следует преподавать искусство, внушая любовь к нему».

Автор развивает мысль о том, что «сделать человека человеком — вот всепоглощающая цель искусства», что «искусство, истинное искусство, всегда нравственно...», и высказывает немало серьезных суждений, которые и в наше время заслуживают внимания, как, например, то, что «на гуманитарные науки следует обратить особое внимание в средней школе...», и многое другое.

Обратившись к характеристике русской поэзии, А. Л. Чижевский приводит суждения «известного канадского психиатра д-ра Бекка», автора книги «Космическое сознание», о том, что великие поэты обладают «высшей формой сознания», и утверждает, что «из русских поэтов эту замечательную особенность проявили Державин, Пушкин, Тютчев».

Интересны высказываемые А. Л. Чижевским суждения о состоянии русской поэзии первого десятилетия нынешнего века, в частности, анализ опубликованных в 1913 г. материалов своеобразного социологического исследования — ответа на вопрос: «Интересуется ли наша публика новейшей русской поэзией?» Данные, полученные при рассмотрении ответов на этот вопрос 3 429 читателей, дают весьма красноречивую картину и заставляют сделать небезынтересные выводы о том, какова популярность тех или иных поэтов у читающей публики, в чем причина падения интереса к поэзии.

Одной из причин этого А. Л. Чижевский считает то, что многие поэты, «стараясь быть оригинальными, так поверкают русский язык, что он становится почти не русским...». Другая причина — отсутствие условий для овладения поэтами мастерством, изучения необходимых наук, приобщения к искусствам и т. д.

Для того чтобы успешно осуществить все эти задачи, А. Л. Чижевский призывает «русское общество и всех, ко-

му дорога поэзия, приступить к делу сооружения Академии Поэзии — центра поэтической, художественной и культурной жизни России».

Завершается книга разделом, где подробно излагаются цели и задачи Академии Поэзии: она должна быть открыта в Москве, а точнее и лучше, комплекс ее зданий следует построить в одном из живописных пригородов. Какой возвышенной романтикой проникнуты и предложения об архитектурном облике зданий «в одном из величественных стилей Греции», с возвышающейся «Статуей Поэзии» перед ним, широкими лестницами, фонтанами, парками и всеми прочими атрибутами, соответствующими высокому назначению Академии!

Всесте с тем излагаются и проекты внутреннего расположения всех необходимых внутренних помещений — аудиторий, кабинетов, библиотек, театральных и музыкальных залов, и даже — квартир для профессоров и лекторов, а также и для нуждающихся поэтов...

И, наконец, предлагается очень широкая и тщательно продуманная программа учебных занятий — перечни «предметов исторических», «предметов теоретических и общеобразовательных», языков и «практических работ». Все это, разумеется, проникнуто столь характерным для автора романтическим пафосом, который, однако, сочетается и с трезвым расчетом...

Конечно, можно отнестись к этому явно утопическому проекту со снисходительной улыбкой, упрекнув его автора в отсутствии реального взгляда на потребности времени. Ведь напомним, что в конце проекта стоит дата: «Январь 1918 года».

Но разве не дополняется этой страницей творческих исканий А. Л. Чижевского его облик еще одной чертой романтического мечтателя и разве не казались многие его научные идеи также далекими от насущной потребности фантазиями? Если же говорить серьезно, то не подлежит сомнению,

что когда В. Я. Брюсов в 1920-е гг. разрабатывал программу и учебные планы созданного и возглавлявшегося им на первых порах Высшего литературно-художественного института, то он, без всякого сомнения, не прошел мимо книги А. Л. Чижевского — ее автора он хорошо знал. И нынешний Литературный институт имени А. М. Горького Союза писателей СССР также в известной степени связан с полным возвышенным романтическим мечтанием проектом Академии Поэзии. И кто знает, не заставит ли жизнь обратиться к скромно изданной книге А. Л. Чижевского и в наше время?

Когда-то, в трудную пору своей жизни, он написал стихотворение «Плиний Старший», посвятив его Г. Н. Перлатову, своему помощнику в лабораторной работе и сложных математических вычислениях. Они потом вошли в монографию «Структурный анализ движущейся крови», выполненную в далекой Караганде. Это стихотворение заканчивается словами:

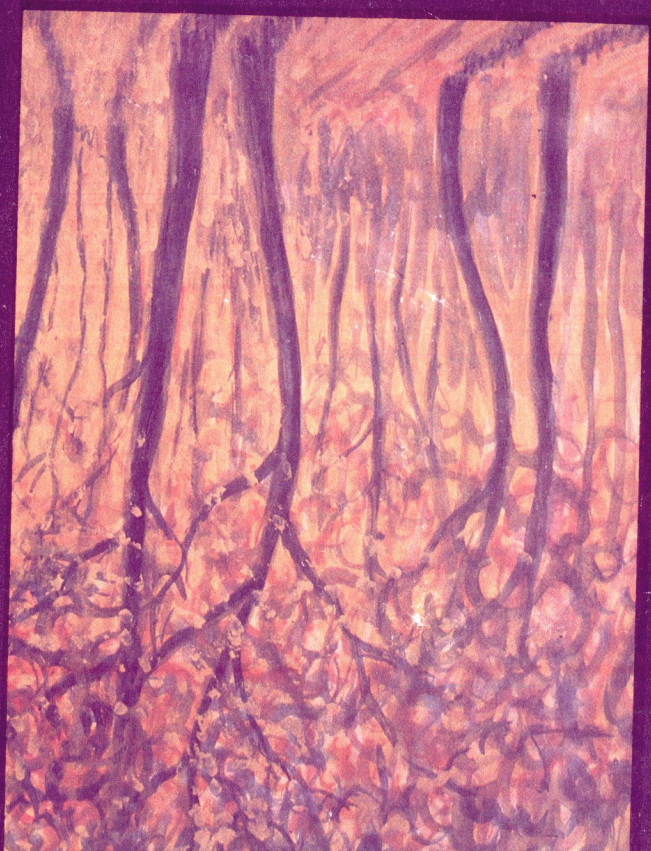
...Ты устоял пред бредом бездны черной,
Глядел в нее, не отвратив лица;
Познания гений — истинный ученый
Был на посту до смертного конца.

«Был на посту до смертного конца» и сам Александр Леонидович Чижевский, сохранивший до последнего часа необыкновенное мужество в борьбе с тяжким недугом. Он ушел из жизни 20 декабря 1964 г. с твердой верой, что его научные труды получат признание, а справедливость возторжествует.

Сегодня имя Чижевского-ученого занимает достойное место в мировой науке, и мы, его соотечественники, вправе гордиться этим. Пусть же сборник его стихотворений откроет современному читателю и Чижевского-поэта.

Владимир Безъязычный

«Собрания»

«Современник»

80 коп.